

ЗИНАИДА ГИППИУС

СУМАСШЕДШАЯ

Зинаида Гиппиус
Сумасшедшая

«Public Domain»

1903

Гиппиус З. Н.

Сумасшедшая / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1903

«Иван Васильевич по дороге разговорился. Это было мне удивительно, потому что в те два-три раза, когда я его видел, – кажется, у священника и у головы, – он молчал, мало двигался и показался мне человеком угрюмым и несообщительным. В захолустном уездном городке, где мне пришлось прожить с месяц, он служил исправником что-то около десяти лет. Помню, когда я это-узнал, тотчас же подумал, что угрюмость его вполне естественна: городок был хуже любой деревни: пустые, пыльные улицы, косые ряды на базарной площади, поросшей мелкой травой, угрюмые избы, кругом – полупесчаные, полуболотистые поля, ни сада, ни леса... Городишко мне сразу показался ужасным, а мы обыкновенно все судим от себя и не верим, чтобы то, что нам кажется ужасным, могло быть иным на самом деле или, по крайней мере, для других...»

© Гиппиус З. Н., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

I	5
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зинаида Гиппиус

Сумасшедшая

I

Иван Васильевич по дороге разговорился.

Это было мне удивительно, потому что в те два-три раза, когда я его видел, – кажется, у священника и у головы, – он молчал, мало двигался и показался мне человеком угрюмым и несообщительным. В захолустном уездном городке, где мне пришлось прожить с месяц, он служил исправником что-то около десяти лет. Помню, когда я это-узнал, тотчас же подумал, что угрюмость его вполне естественна: городок был хуже любой деревни: пустые, пыльные улицы, косые ряды на базарной площади, поросшей мелкой травой, угрюмые избы, кругом – полупесчаные, полуболотистые поля, ни сада, ни леса... Городишко мне сразу показался ужасным, а мы обыкновенно все судим от себя и не верим, чтобы то, что нам кажется ужасным, могло быть иным на самом деле или, по крайней мере, для других.

Мы ехали на почтовых. Я – в дальнее имение, к приятелю, Иван Васильевич – по делам в уезд. Выехали одновременно, а так как до первой станции нам было по дороге, то Иван Васильевич и предложил мне место в своем тарантасе.

– С Макарихи шибко поедете, дорога там получше, – говорил Иван Васильевич. – А вот до Макарихи, пожалуй, поскучаете. А перегон большой – двадцать шесть верст, и дорога лесом. А уж знаете, какие у нас лесные дороги.

Дорога, точно, через несколько верст пошла лесом. Выбоины, лужи от перепадавших дождей, толстые переплетенные корневища, какие-то не то пни, не то гнилые колья – очень хороша была лесная дорога. Как поехали шагом – так и ехали все время. От наступавшего на нас с обеих сторон леса, тесного и темного, веяло свежестью, сыростью, крепким и резким еловым запахом. Точно яблоками пахло. Небо, с еще не закатывшимся, но не видным июньским солнцем, уже тихонько из голубого делалось золотым. Тройка, тупо позвякивая бубенцами, шла сама, осторожная, – ямщик не то задумался, не то задремал.

Я смотрел сбоку, близко, на Ивана Васильевича, на его белую фуражку – и теперь лицо его вовсе не казалось мне угрюмым, а только очень серьезным – бывает такая серьезность, с простотой. От фуражки широкое лицо казалось темнее. Ему могло быть лет около пятидесяти, а то и меньше.

Весь он был крепкий, коренастый, немного неподвижный. В карих глазах его, когда он на меня смотрел, я видел ту же серьезную, неподвижную простоту. Странная морщина была у него на щеке: длинная, глубокая борозда, от глаза вниз по самой середине. И такая резкая, точно кто-нибудь нарочно провел ему эту черту. Я заметил, что он вовсе не улыбался, даже когда говорил весело. Как будто эти морщины не позволяли ему улыбаться. Однако в общем лицо Ивана Васильевича было очень обыкновенно. Я с трудом могу его припомнить, потому что слишком много раз видел его – или похожее на него.

Он разговорился не сразу. На мои вопросы, впрочем, отвечал охотно и просто. И вдруг сам спросил меня:

– А вы слышали о моем несчастье?

– У вас... жена больна?

– Да-с... В лечебнице. Второй год пошел. В губернском городе.

– Второй год? Что ж доктора говорят? Надеются?

– Как вам сказать? Душевные болезни – область такая... мало, говорят, в науке разработанная. Определенного ответа не добьешься. Ничего мне не известно.

Эти последние слова он сказал с таким странным выражением, что я поднял голову.

– То есть, как не известно? Род болезни-то ведь известен?

– Нет-с... Ни рода, ни причин не знаю. Даже... Конечно, это я вам в слабости минутной признаюсь – но не утаю, случаются минуты... Кажется мне, что никакой у нее душевной болезни нет и не бывало.

– Что вы! Зачем же вы ее в сумасшедший дом отдали?

– Я ее не отдавал... Да вы извините, я ведь оговорку сделал: минутные эти мысли. Она мне не чужая. В медицине же я профан. Доктора лучше знают.

Хотя я видел, что Иван Васильевич сам хочет поговорить со мной, но спрашивать дальше все-таки было неловко, и я молчал, ожидая, что он скажет. Он снял фуражку, провел рукой по коротким волосам и поглядел на меня и вокруг, приподняв немного тяжелые веки. Дорога по-прежнему шла лесом. Вечерело. И заря сходила такая тихая, душистая, золотая.

– С горем моим теперь уж свыкся я, – проговорил Иван Васильевич. – Со всем понемногу свыкаешься. Прежде, бывало, словечко о нем трудно другому сказать. Да и как другому тут рассудить, когда и сам, по совести, не все понимаешь? Оно бы и просто – да не просто. Впрочем, – прибавил он со своей серьезной, почти равнодушной простотой, – вернее всего, что это я так... потому что не чужая она мне...

Я посмотрел на него, на его странные морщины на щеках, добрые глаза – и попросил рассказать мне все по порядку, как случилось «несчастье». Вот что он мне рассказал.

II

– Теперь жене моей, Вере Ивановне, лет за тридцать, на вид же куда больше: худая, бледная, на лице только брови чернеются. Вышла она за меня шестнадцатью с половиной; видели бы, какая цветущая была! Просто красавица. Она, надо вам сказать, княжеского рода; то есть мать ее княжной была, из захудалых, сирота. Да за мелкого чиновника в губернском нашем городе вышла. Я ее не знавал. В ту пору, как я с Верой Ивановной познакомился, отец ее уже давным-давно на второй был женат, из простеньких; детей куча, Вера за ними смотрела. Гимназию она, впрочем, кончила. Дом бедный, Верочка бесприданница, да мне все равно; я уж тогда служил, в другом уезде, помощником. Как-никак, думаю, проживем. Верочка мне понравилась очень.

Я, видите ли, – вы, может быть, не знаете, – я высшее образование получил, в Казанском университете, о другой дороге мечтал – да не кончил. История там одна вышла. В молодые годы человек горяч, нерассудителен, и время наше было такое особенное... В серьезной истории я замешан не был, однако из университета уволился. Могу с твердостью сказать (тут Иван Васильевич взглянул на меня почти сурово), коренным моим убеждениям я и посейчас не изменил, каков был – таков и остался. Только рассудительности, да выдержки, да опыта прибавилось. Единой моей верой было – гуманность, человеколюбие, посильная жизненная помощь тому, кто нуждается в свете и в хлебе. Не сочтите меня хвастуном, да я и не говорю о том, что сделал, а только о том, во что всегда верил. Мы с сестрой тоже из мелкой чиновничьей семьи, в Казани же; родители умерли, сестра в сельские учительницы пошла, а я на службу, в уезд. Долго я мучился перед поступлением на место, пока понял, сколько я тут могу посильного добра сделать. Сестра три года со мною не зналась, а после и она поняла. Трудновато сначала было, да и теперь подчас нелегко; однако какое же сравнение! Времена год от году меняются. Лет тридцать-сорок тому назад такого человека, как я, с моими убеждениями, – дня бы не стали держать. А теперь я у губернатора на лучшем счету. Теперь принцип гуманности и просвещения торжествовать начинает. Все теперь в эту сторону пошло.

– Неужели? – возразил я невольно.

– Да-с. Разве не изволили сами замечать? Случится с кем из высших поговорить – увидите. Ветер в эту сторону повернул. Человечество развивается. Культура, наука, знание – хоть медленно, а делают свое дело.

– Значит, вы верите, что люди стоят на прямом пути к всеобщему счастью? – опять не удержался я и перебил его.

Он изумленно приподнял брови.

– А то как же? На прямом, – хотя, может быть, и не на торном. Еще придется потерпеть... да все само собой образуется, силою вещей. Заметьте: просвещение ширится, угасают суеверия, одно за другим; развивается разум, а с ним разумное удовлетворение потребностей, уважение к чужой личности во имя идеала человечности.

Я видел, что этот разговор может завести нас далеко, а потому больше не возражал. Иван Васильевич вернулся к прерванному рассказу.

– Так вот, женился я на Верочке. Вспоминая теперь это время, вижу, что и тогда в ней было что-то не вполне нормальное. Ни истерик, ничего этого, а так, как доктора говорят, – усиленная чувствительность. Думаю, что было. Я ее любил, искренне вам говорю, всей душой. А она – просто и сказать нельзя, что с ней делалось. Говорит, говорит, как любит – а потом даже рассердится.

– Не могу я выразить моей любви. Хочу – и не могу. Помоги мне, если тебе меня жалко. Я ее успокаиваю.

– Это, – говорю, – у тебя, Веруша, романтизм. Я знаю, что ты меня любишь, и счастлив. Чего же тебе еще?

Удивляться романтизму было нечего: ведь ей еще семнадцати лет не исполнилось; а я уж был не юноша.

Однако она все чаще на меня сердилась. Потом вдруг как-то говорит:

– Ты со мной, как с куклой, забавляешься. Ничего я про тебя не знаю. Скажи, что ты думаешь.

Меня этот упрек обидел, потому что был, коли хотите, справедлив. Но что же делать? Такая молоденькая да хорошенькая, я же влюблен в нее был; первое время после свадьбы... Конечно, я опомнился, прощенья у нее попросил.

– Подожди, – говорю, – все в свое время придет.

А она:

– Дай мне работу какую-нибудь. Мне скучно.

Я и этому обрадовался. Вижу, настоящая будет женщина, человек-женщина. Но пока-то – ведь ребенок сущий. И опять говорю:

– Подожди, все придет. Хозяйством займись, квартирой. С хорошими людьми говори, старайся их понимать. Я тебе книжек из Петербурга выпишу новых, да и старые посмотри, какие у меня есть, почитай.

Она ничего, согласна. Я в разъездах – она домовничают. Городок, где мы тогда жили, похуже был теперешнего моего; застоя больше. Местоположение, однако, наряднее: речка, леса кругом. Квартирку мне удалось сыскать хорошенькую: новый домик, три комнатки – как игрушки. С матушкой протоиерейшей познакомил, с женой члена суда, ну знаете, обыкновенное уездное общество. Милые очень люди есть. В те времена похуже были, посерее, а теперь, вот, скажем, хоть у нас в городе, – прекрасное общество, образованные все и не скучают.

Так вот-с и зажили мы. И год живем, и другой, и третий. Вера совсем обошлась, читает много, книги, газеты мы выписываем, я уж с нею, знаете, как с товарищем дорогим, обо всем, что на душе лежит, разговариваю, по службе там что-нибудь или сомнение – всем с нею делюсь. Она, бывало, все рассудит как следует. И с обществом нашим сошлась, – и так, между городскими мещанами у нее были приятели. А то и по селам окрестным завела знакомства. Приходит, знаете, народ, она со многими говаривала. Я не мешал. Хорошее дело. До барства-то я, можете судить, не охотник. По селам у нас темнота; если Вера поговорит с ними – так ведь, кроме добра, им ничего от этого не будет.

Приезжал к нам чиновник из Петербурга. Прелестный такой человек, знаете, из молодых. Мы с ним очень сошлись, у нас он два раза обедал. Верочка ему рассказывает, как она по деревням ездит, то, другое... Он ее хвалит, тоже о свете и о темноте народной говорит. Я слушал да радовался. Но тут-то, в самую мою отрадную минуту, и случилось мне в первый раз заметить, что с Верой что-то не так. Говорила оживленно – вдруг сразу молчит и задумалась.

– Что ты? – спрашиваю. И гость смотрит.

А она глаза на него подняла и жестко так проговорила:

– Хороши мы, да не очень. Подло живем, подлые дела делаем.

Можете себе представить, как это нас поразило! Я просто не опомнился. И даже понять не могу, о чем она. Чиновник этот – честнейший человек. А уж меня-то она, кажется, знала.

Я не нашелся, что и ответить, а чиновник покраснел, однако сдержался, улыбнулся и любезно спрашивает:

– Что это вы так строги, Вера Ивановна? Что вам не нравится?

Мы за чаем сидели, летом это было. Она из-за стола встала, к окошку подошла, смотрит на улицу, вздохнула и говорит, равнодушно так:

– Нет, ничего, извините... Это я вообще. Не подло то, что мы делаем, а скучно.

– Вам скучно? Но...

– Нет, не мне скучно, а дела эти, и мои, и ваши, скучные. Вы вот о благе человеческом думаете; о чтении книжек по физике, положим. Ну вообразите, что уже все сделалось, и все, – даже Митька-пьяница из Ухабного, – живут, как мы. И знают все, что мы знаем. Ну?

Я даже вскочил.

– Вера! Да о чем ты?

А она продолжает:

– Ну и счастье. Только скучное. Согласитесь, что скучное.

Чинovníк ей много кое-чего дельного говорил, широкие мысли развивал – прелестный, красноречивый человек! Она уже не отвечала, будто соглашалась.

После я ее крепко пожурил. Она и мне ни одного слова, точно не ей говоришь. Вспомнил старое, романтизмом ее попрекнул. Усмехнулась и прочь пошла. Дня три я на нее сердился – потом обошлось. Зажили мы по-старому.

Иван Васильевич вздохнул, помолчал немного, точно вспоминая, и опять заговорил.

III

– По-старому – да не по-старому. Заскучала у меня Верочка. Молчит. А если я, бывало, как прежде, начну ей что-нибудь рассказывать, из поездки вернувшись (мало ли что случается у нас, преинтересные вещи), она ничего, я хожу по комнате, – она молчит, следит за мною глазами исподлобья. Неприятный такой взгляд.

– Что ты, Вера?

– Ничего. Говори. Я смотрю на тебя. Очень вы все интересные.

Фу ты, наказанье! И хоть бы объяснила, что с ней. Нет, сидит, и замечаю я постоянно – эдак исподлобья откуда-нибудь за мной следит. Иногда выводила меня из себя:

– Что ты меня наблюдаешь? Роман, что ли, хочешь писать? Пиши. Все-таки занятие.

– Почему же не понаблюдать? Ты интересный тип. Скажет, усмехнется и уйдет.

Однако я ее и жалел. Может быть, и в самом деле ей скучно? Молоденькая, детей нет, я постоянно в разъездах, с протоиерейшей да с членшей какое же особенное веселье? Конечно, я в Вере мечтал видеть истинную женщину, человека, работающего, как я же, посильно для ближнего, для младшего, темного брата; я думал о помощнице... Но она молода. Пройдут ребяческие годы – она свободно примется за дело. А мало ли у нас в глуши истинно святого дела для женщины? Учи да лечи – эти два слова всего стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.